

Был Мидория с тремя голосами.

Была Яойорозу с четырьмя голосами.

И затем был Кадзуки с четырьмя голосами.

— Что за хрень? — спросил он, на этот раз вслух, когда уставился на результаты. — Кто, черт возьми, голосовал за меня? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Первым виновником, очевидно, был Киришима, который широко улыбался ему.

— Ты собираешься представлять нашу маленькую группу, Жуткий, так что постарайся на славу, — сказала Ашидо, абсолютная сука.

— Какую часть моего нежелания получить это место ты не слышала? — спросил он, все больше нервничая от такой перспективы. — Я собираюсь...

— Эндо, Яойорозу, не могли бы вы выйти на переднюю часть класса, — попросил Айзава, выглядя и чувствуя себя так, словно ему было на все наплевать. Кадзуки мог понять. Если бы только его не втягивали во все это придурки, которых он называл друзьями. — Была ничья, поэтому мы должны решить, кто президент, а кто вице-президент.

— Яойорозу - президент. В конце концов, я голосовал за нее, — мгновенно сказал Кадзуки. Потому что, черт возьми, самое меньшее, чего он мог добиться, - это стать вице-президентом. Хуже всего было то, что другим доступным вариантом был Мидория, поскольку он был единственным, у кого было больше одного голоса, и у парня было больше шансов умереть от сердечного приступа, чем стать хорошим вице-президентом. — Я убью этих четверых, — подумал он, подергивая глазом.

— Меня это устраивает, — решил Айзава, пожав плечами.

[}-o-{}]

— Вы все отстой, — прорычал он своим друзьям, когда они все сидели в обеденном зале. — И нет, Коротышка, я не собираюсь воплощать в жизнь твой идиотский манифест, — добавил он, рыча и не обращая внимания на обиду, которую он почувствовал от своего друга. Они все были глупыми.

— Может, нам стоит называть тебя Ворчун, а не Жуткий, — прокомментировала Хагакурэ,

сидевший рядом с ним. — Почему ты такой злой? Это хорошо!

— Я уже говорил тебе, почему я этого не хочу. Мне не нужно еще больше дерьма на моей тарелке, чтобы разбираться с ним, — сказал ей Кадзуки, едва сдерживая свой гнев. Этому не помог Бакуго, который, он буквально чувствовал, сверлил его взглядом с другого конца зала. Не помогал этому и целый букет других негативных эмоций, которые он мог испытывать в этом месте.

Они не знали, что была другая, гораздо более тревожная причина, по которой он не хотел находиться поблизости ни от одного из этих двух мест. Что бы они подумали, когда поняли, кто он такой? Что бы они сделали? Что бы сделали репортеры, если бы узнали, что целый класс будущих героев сделал преступника своим вице-президентом?

Чем больше он думал об этом, тем хуже все выглядело. Его устраивало, что все ненавидели его, когда что-то раскрывалось. В какой-то момент удача отвернулась бы от него, и кто-то возненавидел бы его. Ни за что не все были бы такими, как Мидория и Яйорозу.

Что Кадзуки не устраивало, так это то, что его псевдосекретность разрушила карьеру всех его одноклассников. Он подвел черту, потому что это не только ухудшило бы ситуацию для него, но и ухудшило бы ситуацию для других. Он хотел быть героем, и самое малое, что он мог сделать как герой на тренировках, - это убедиться, что он был единственным, кого сбили с ног, когда дерьмо попало в вентилятор.

— Я поговорю с Айзавой позже, Мидория будет вице-президентом, — решил он, вонзая нож в еду. Честно говоря, ужин был великолепен, но в данный момент он не мог сосредоточиться на этом.

— Ого, ого, в этом нет необходимости, Жуткий, — запротестовала Ашидо. — За тебя проголосовали не просто так, с тобой все будет в порядке. Судя по тому, что ты сказал и что я видела, ты достаточно хороший ученик. Я бы определенно провалила что-нибудь, если бы у меня было больше дел, но ты не такой, как я, — возразила она, тоже довольно страстно, что на мгновение застало его врасплох. — У тебя все получится.

— Кроме того, ты всегда можешь отдать Мидории место позже, если почувствуешь, что это слишком. Не нужно торопиться, верно? — Спросила Хагакурэ, вызвав у него гримасу. Это был хороший аргумент, если сосредоточиться только на том, что он им сказал.

Казалось, они не собирались сдаваться, что заставляло его чувствовать странную смесь беспокойства и радости. Было приятно осознавать, что его друзьям не все равно, что они хотят для него хорошего. Теперь, если бы только это было не из-за того, кем он был...

— Думаю, я смогу это сделать, — солгал он сквозь зубы. Он определенно собирался как можно скорее отправиться напрямиком к Айзаве. То, что мужчина не прокомментировал это решение и не высказался против него, сбивало с толку. Неужели этот человек не знал, как это может повлиять на них всех? Какой учитель стал бы так рисковать карьерой всех своих учеников?

— Ты лжешь, — указал Минета, заставив его сделать паузу.

— О чем ты говоришь, Коротышка. Игривая высказал хорошую мысль, и я согласился, — ответил Кадзуки, придав своему другу скучающее выражение. — Я попробую, а потом посмотрю, просто. Не знаю, почему я об этом не подумал.

— Он определенно лжет, — указала Ашидо, и Кадзуки почувствовал, что начинает потеть, хотя реального риска не было. Что они собирались сделать, связать его, чтобы он не пошел к Айзаве?

— Ладно, я вру, — признал он, и выражение его лица стало гораздо более раздраженным. — Я принял решение. Я не собираюсь быть вице-президентом, и все тут. Не понимаю, почему вас, ребята, это так волнует. Мы можем попробовать и посмотреть, сможем ли мы переключить голоса на кого-то из вас, если вы почувствуете себя обманутыми или что-то в этом роде. Могли бы просто услышать меня, когда я сказал, что не хочу этого, и покончить с этим, — проворчал он, доедая еду так быстро, как только мог.

— Да ладно, Жуткий, ты преувеличиваешь, — попытался урезонить его Киришима. — Не нужно быть таким...

— Драматичным, — подхватила Ашидо, когда ее рыжеволосый друг начал подыскивать нужное слово, придав ему невозмутимый вид. — Это отличная возможность! Почему ты просто отказалась от нее, даже не попробовав?

— Потому что... — начал он, прежде чем сдержался. Слова были прямо там, на кончике его языка. Потому что он убивал людей. Потому что он только что досрочно вышел из колонии для несовершеннолетних, чтобы поступить в UA. Ему просто нужно было сказать это, и они бы поняли и оставили его в покое...

Они бы оставили его в покое...

Он знал, что был мудаком. Ложь по недомолвке все равно оставалась ложью, и он основательно лгал людям, которых считал друзьями. Или, может быть, лучше было сказать, что он хотел считать их друзьями. Он не был уверен, были ли они такими, и мог ли он их сосчитать, учитывая всю эту его лживую затею.

Его рука сжалась в кулак, и он почти поморщился от обеспокоенных взглядов, которые они бросали в его сторону. Почему им просто не было все равно? Почему они должны были настаивать на этом вопросе? Почему было так важно, был ли он вице-президентом или нет?

Он знал, что они не понимают, но и заставить их понять он тоже не мог.

Он не мог объяснить...

— И как долго я смогу это скрывать? — подумал он, откидываясь на спинку стула.

— Жуткий? — Спросила Минета, хмуро глядя на него. Кадзуки чуть не вздрогнул, когда его внимание на мгновение отвлеклось от мыслей, и он почувствовал их беспокойство. — Все в порядке, чувак? Мы можем оставить тебя в покое, если ты действительно не хочешь этого места, все в порядке.

— Они узнают. С таким же успехом можно было бы прояснить ситуацию, а? — подумал он, и в нем закипело горькое чувство. Он предположил, что лучше покончить с этим. Какой вообще был смысл сохранять видимость? Будет только больнее, когда все уляжется. — Лучше покончить с этим, верно?

— Я просто не могу этого сделать, хорошо? Я не могу, — сказал он им, безуспешно пытаясь улыбнуться. Однако, когда он собрался с духом, чтобы объяснить, почему, что-то произошло.

Звук сирены наполнил школу.

<http://tl.rulate.ru/book/100860/3532489>